

ГЛАВА 16. БОЖЕСТВЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ХУА ГУДО

— Меня зовут Хуа Гудо.

Темнокожий мужчина дождался, пока Цуй Ян и Лу Фэн окончательно придут в себя и осознают реальность, прежде чем представиться. Впрочем, предназначалось это лишь Лу Фэну — Цуй Ян и так его знал.

Хуа Гудо слыл самым одаренным учеником в нынешнем поколении знаменитых лекарей клана Хуа из Мяоцзяна. Он годами странствовал по свету, забираясь в самые глухие горы, спускаясь в бездонные ущелья и переплывая моря в поисках редчайших снадобий.

Судьба свела его с Цуй Яном во время одного из морских походов. Хуа Гудо тогда не повезло: корабль, на котором он плыл, атаковали пираты-вако. Несколько дней он дрейфовал в открытом море, вцепившись в обломок палубы.

Цуй Ян вместе с рыбаками вытащил бедолагу из воды. Поначалу на его темную кожу никто не обратил внимания — решили, что парень просто обгорел под палящим солнцем и соленым ветром. Но вскоре начались странности. Во-первых, загар и не думал сходить, а во-вторых, на этой темной коже проступили едва заметные золотистые узоры.

Рыбаки не на шутку перепугались, решив, что выловили морского демона. Уже вовсю пошли разговоры о том, чтобы выбросить находку обратно в пучину, и только заступничество Цуй Яна спасло Хуа Гудо жизнь.

Позже на судне случилась беда: один из матросов запутался в снастях, и тяжелый канат содрал мясо с его руки до самой кости. Моряки больше всего боялись именно таких ран. Рыболовные сети вечно пропитаны гнилью, и даже на солнце эта зараза не погибает, обретая страшную, разъедающую силу. Гниль быстро расплзлась по телу, и человек умирал в муках.

Тогда Хуа Гудо и явил свое искусство. Он достал из дорожного узла странную зеленую жидкость, смазал ею рану и сам зашил руку матроса. Первые дни рана сочилась гноем, и матросы в один голос проклинали «черного знахаря», называя его обманщиком. Но потом гной исчез, рука затянулась коркой, а когда та отпала, плоть под ней оказалась чистой и здоровой, и сила в руку вернулась прежняя.

Только тогда команда признала в нем великого лекаря и благополучно доставила на берег. С тех пор Хуа Гудо и Цуй Ян стали добрыми друзьями.

В Юэчжоу лекарь прибыл лишь вчера вечером. Едва он успел заглянуть в погреба «Зимнего хмеля», как его тут же перехватил У Мосюань. Они проговорили всю ночь, а на рассвете прибежал один из каменщиков с вестью о том, что Цуй Ян при смерти. Тот немедленно отправил Хуа Гудо на помощь.

Проделав скорым шагом несколько ли по горным тропам, лекарь вошел в дом и застал Цуй Яна спящим в объятиях Лу Фэна. Пощупав лоб больного, он понял, что жар спал, а дыхание, хоть и слабое, стало ровным. Худшее осталось позади. Хуа Гудо решил не тревожить их и просто ждал, пока они проснутся.

Кто же знал, что пробуждение обернется такой неловкостью.

Цуй Ян готов был сквозь землю провалиться от стыда, когда к нему начали возвращаться обрывки воспоминаний. В ту ночь, когда Лу Фэн ушел, его охватило чувство беспросветного одиночества. Он долго сидел во дворе, не в силах пошевелиться, а когда почувствовал ночной холод, было уже поздно. Голова закружилась, ноги стали ватными. Едва он попытался встать, как мир перевернулся, и сознание погасло. Очнулся он уже в руках Лу Фэна.

Тот кратко пересказал события, умолчав о наставлениях дяди Цю. Рассказал лишь, что дядя проходил мимо, заметил неладное и нашел Цуй Яна на земле, остывшего до костей. Пока дядя Цю мчался в город к управляющему Ли, Лу Фэн остался присматривать за больным.

Он не вдавался в подробности того, как именно ухаживал за ним всю ночь.

Но Хуа Гудо, будучи мастером своего дела, видел всё насквозь. Он одобритительно кивнул:

— В тело Сяогэ Цуя проник холод, жизненные силы были на исходе. Сам бы он не согрелся. Если бы ты не поделился с ним теплом своего тела, даже я бы ничем не помог. И еще... — он постучал пальцем по миске, где еще виднелись остатки соленого бульона. — Эта похлебка была даром небес. Если бы ты напоил его простой водой, последствия могли быть плачевными.

Цуй Ян вспомнил слова лекаря: человеку, потерявшему много влаги с холодным потом, нельзя пить пресную воду — от этого становится только хуже. В душе он был безмерно благодарен Лу Фэну, но в то же время не мог не гадать, каким именно способом тот заставил его проглотить этот бульон... От этих мыслей он снова покраснел.

Лу Фэн, не подозревая о смятении друга, собрался было встать, решив, что раз больному лучше, то пора и честь знать. Но Хуа Гудо остановил его:

— Не спеши.

Лу Фэн замер, не понимая, в чем дело. Лекарь подошел ближе и внимательно осмотрел его глаза. После бессонной ночи белки должны были быть просто покрасневшими от усталости, но у Лу Фэна они выглядели странно: сеточка сосудов была слишком густой, а в одном месте и вовсе виднелось запекшееся кровавое пятнышко.

Хуа Гудо указал на одеяло:

— Руку сюда.

Он собирался прощупать пульс.

Цуй Ян мгновенно напрягся. То, что Лу Фэн не помнил своего детства, всегда казалось ему тревожным знаком. Неужели эта ночь так сильно ударила по его здоровью? Он попытался приподняться, чтобы лучше видеть, но забыл о собственной слабости — у него поплыло перед глазами.

Хуа Гудо нахмурился и на время оставил Лу Фэна:

— Ты едва выкарабкался. Если не будешь беречься, болезнь пустит корни, и тогда в каждое ненастье суставы будет выворачивать от боли. А ну, лежи спокойно!

Цуй Ян хотел было возразить, но встретил обеспокоенный взгляд Лу Фэна. Тот уже потянулся к нему, чтобы помочь лечь поудобнее, и Цуй Яну ничего не оставалось, как подчиниться. Но он не сводил с него глаз. Глядя на широкую, прямую спину парня, он сокрушался в сердце: за что такому доброму человеку выпали эти испытания?

Завершив осмотр, Хуа Гудо помрачнел.

— Твой недуг куда опаснее, чем у него, — наконец произнес он. — Неужели ты никогда не замечал?

Эти слова поразили обоих. Цуй Ян похолодел от страха, а Лу Фэн искренне удивился.

— Я ничем не болен, — возразил он. — С детства на здоровье не жаловался.

Лекарь лишь покачал головой. Он достал из короба серебряную иглу, прокалил её над пламенем лампы и осторожно ввел в точку на затылке Лу Фэна. Едва игла коснулась кожи, парня прошила резкая, невыносимая боль.

Хуа Гудо тут же отстранился.

— Сюда пришелся тяжелый удар. Внутри затаился сгусток запекшейся крови. Пока ты молод, тело справляется, но с годами он даст о себе знать. После тридцати боли станут такими, что голова будет буквально раскалываться.

— Что?! — вскрикнул Цуй Ян, он был в ужасе.

Лу Фэн же недоумевал всё больше:

— Вы говорите, у меня в голове кровь запеклась, но почему ни один лекарь раньше этого не видел?

— Обычным лекарям такое не под силу, — отрезал Хуа Гудо.

— И в чем причина? — спросил Лу Фэн.

— Бывают причины внутренние, когда кровь густеет от старости, но у детей такие сгустки — предвестники слабоумия. Ты же крепок телом и ясен умом. Значит, виной тому удар. В детстве тебя не били по голове чем-то тяжелым?

Лу Фэн хотел было ответить «нет», но осекся — он ведь совершенно не помнил ту пору своей жизни.

Цуй Яну становилось всё страшнее. Удар по голове в детстве? Какое же насилие пришлось пережить этому парню? Под одеялом он невольно сжал кулаки, случайно прихватив край одежды Лу Фэна, сидевшего рядом.

Тот почувствовал натяжение ткани. Не понимая до конца причин, Лу Фэн обернулся и попытался успокоить друга:

— Не переживай. Я ведь ничего не чувствую. Господин лекарь сам сказал — я еще молод.

«Но ведь ты не вечно будешь молодым!» — хотелось крикнуть Цуй Яну, но он лишь молча смотрел на него с нескрываемой тревогой. Лу Фэн внутренне подивился: они ведь знакомы без году неделя, откуда в Цуй Яне такая забота?

Хуа Гудо прервал их молчание:

— Всё так, сейчас ты в силе. Когда надумаешь лечиться — найдешь меня. Но предупреждаю: я гость неуловимый. Упустишь сегодняшний шанс — можешь до конца дней меня не встретить.

Сказано это было с таким высокомерием, что Лу Фэн невольно насупился. Ему еще не доводилось встречать людей столь заносчивых. Но Цуй Ян, вспомнив что-то важное, поспешно обратился к нему:

— Он говорит правду, Лу Фэн. Его и впрямь трудно найти. Не теряй возможности, пусть он и глаза твоей матери осмотрит.

А потом шутливо бросил лекарю:

— А ты, Хуа Гудо, когда-нибудь поплатишься за свой длинный язык, хоть и лекарь ты действительно лучший под небесами.

Услышав подтверждение от Цуй Яна, Лу Фэн понял, что его первая реакция была мелочной. Мастер такого уровня имеет право на гордость. Он официально извинился перед Хуа Гудо и упросил его осмотреть госпожу Лу. При этом он отдельно попросил не рассказывать матери о его собственной травме, чтобы не волновать её попусту.

Хуа Гудо согласился. Он сначала оставил Цуй Яну снадобья — пилюли, которые тот должен был принять немедленно, и рецепт отвара. Их должен был привезти из города помощник из Лавки Чжэньпиньцзай, сопровождавший лекаря.

Недуг матушки Лу на первый взгляд казался обычным делом: годы тяжелого труда подорвали здоровье, а сейчас, когда силы пошли на убыль, старые болячки навалились разом. Но когда Хуа Гудо принялся осматривать её глаза, он невольно нахмурился.

Он заметил — это не была просто старческая дальнозоркость от вечного шитья. Матушка Лу была на грани полной слепоты, причем зрение пропадало приступами: то становилось чуть лучше, то мир вокруг окончательно погружался во тьму. Это были последствия тяжелой травмы, которую так и не вылечили вовремя. И судя по характеру повреждений, получена она была примерно тогда же, когда возник сгусток в голове Лу Фэна.

Хуа Гудо на мгновение задумался, а затем спросил:

— Матушка, лет десять назад... вы ведь полностью теряли зрение?

Женщина мгновенно изменилась в лице. В голосе промелькнула настороженность:

— Откуда вам это ведомо?

Лекарь остался невозмутим:

— У вас на радужке старый шрам. Все эти годы вы должны были чувствовать резкую боль в глазах, то сильнее, то слабее. Я вижу, что этой ране никак не меньше десяти лет.

Матушка Лу ничего не понимала в медицине, но слова лекаря в точности описывали её мучения. Настороженность немного сменилась доверием.

— Ваше искусство поистине велико... А-Фэн! — позвала она сына, указывая на залитый светом двор. — Уже полдень. Иди промой рис, господин лекарь наверняка проголодался.

Лу Фэн сидел на пороге, наблюдая за осмотром. Ему не очень хотелось уходить, но он понимал,

что мать права: пора готовить обед. Тем более что утром они так и не поели, да и Цуй Ян наверняка был голоден.

Он взял корзину с рисом — это был поздний урожай этого года. Раньше они не могли себе позволить такое лакомство, перебиваясь прошлогодними остатками, но теперь, благодаря доле от «Старого Чэня», в доме водились деньги. Лу Фэн направился к ручью.

Матушка Лу внимательно прислушивалась к его шагам. Только когда она убедилась, что сын отошел достаточно далеко, она заговорила:

— Вы правы, господин лекарь. Десять лет назад я и вправду ослепла. Мой муж... он ушел внезапно. Я выплакала все глаза от горя.

Она тяжело вздохнула. То было время, которое она предпочла бы забыть навсегда. Утром муж ушел на работу, полный сил, а вечером не вернулся. В полночь в дверь постучали и сказали: «Человека больше нет». Говорили, оборвалась веревка, когда он добывал камень, и он рухнул с обрыва. Разбился вдребезги.

Она тогда лишилась чувств. Когда пришла в себя, его уже привезли. Тело положили в гроб — говорили, хозяин сжалился и сам оплатил похороны. В парадной комнате уже заколачивали крышку.

Она, спотыкаясь, бросилась туда. Не верила, не могла отпустить, не увидев его в последний раз. Сдвинула тяжелую крышку... и то, что она увидела, стало её вечным кошмаром.

По обычаю Юэчжоу, покойника облачают в девять слоев савана и обкладывают девятью слоями одеял, чтобы в гробу не было пустоты. Одежды были на месте, видна была только голова мужа. Лицо закрыли красной бумагой, но даже сквозь неё была видна жуткая, раздробленная форма черепа.

Она зарыдала, потянулась, чтобы сорвать бумагу, но распорядитель похорон удержал её за руку: «Нельзя, погубишь душу, нарушишь обряд».

Но ей было всё равно на обряды. В суматохе, когда её пытались оттащить, она всё же успела заглянуть под край бумаги. И сердце её замерло: на шее мужа отчетливо виднелся глубокий след от веревки. Странгуляционная борозда.

Разве может у человека, упавшего со скалы, быть след от удушения на горле?

Она хотела закричать, потребовать ответа, но кто бы стал слушать простую женщину? Похороны вели братья и дядья из клана Лу, её голос ничего не значил — решили бы, что бедняжка повредилась рассудком от горя.

Когда её увели обратно в комнату, она нашла сына. Маленький Лу Фэн лежал на кровати, недвижимый, как бревно. Дышал, но никак не приходил в себя, сколько бы она его ни звала.

Потеряв мужа и видя сына в таком состоянии, она рыдала дни и ночи напролет. И в один из дней, очнувшись от забытья, поняла — вокруг только тьма. Зрение ушло.

<http://bllate.org/book/17486/1711983>